

веришь. Никто об этом не знает, ей-богу, плакал. Взял метлу, стал двор мести. И вдруг из всех щелей стали появляться люди. «Санька, да ты че, дай сюда...» И это еще из ощущений, ради которых стоит жить.

— Ты веришь в судьбу?

— У меня есть билет на самолет, который разбился. Я пересел в другой, когда уже работали двигатели. В меня баба плескала серную кислоту. Я вышел из театра, поймал взглядом движение, когда она доставала стакан, прочел в ее глазах что-то странное и резко упал за машину. Меня в одном доме маньяк рубил топором. В Севастополе я под водой уходил в грот, каким-то чудом там развернулся я, содрал кожу и плавки, высколил оттуда. Я горел и вскрывал себе вены, когда был студентом.

— От несчастной любви?

— Конечно. Приехал друг, взломал дверь, а я уже все, в тазу. И что это, как не судьба, в которую нельзя не верить. А парень, который спал тогда с моей девочкой, иронией той же судьбы работает в одном из московских театров.

В семье Абдуловых-старших обнаружилась тонкая логика генетического кода. Театральная наследственность папы-актера и мамы-гримера передалась лишь младшенькому — Саше (старший брат работал химиком, сейчас на пенсии, среднего убили в Фергане при весьма странных обстоятельствах). Но не это как бы главное. А то, что папа Абдулов избрал Фергану местом постоянного жительства за... перевод этого слова: «спящая красавица». И то, что страсть к подобным чудачествам в самом буйном виде передалась по наследству Саше Абдулову.

Он купил дорогую видеокамеру и фиксирует на ней «гениальные моменты нашей жизни». Например, как Барышников играет на рояле в пустом зале ресторана в Америке, с ним Юз Алешковский, который «чудовищно ругается матом» (автор песни «Товарищ Сталин — большой ученый»), зато имеет большой «бьюик» и выращивает на своем ранчо огурцы. Абдулов зафиксировал Прунсене, объявляющую своему народу о свободе Литвы. Брал первое интервью у Коржавина, летящего в Союз.

У него была любовница — американка (подробности в «Огоньке» № 39 за 1990 год). «И я бы мог быть сейчас богатым — она ведь вице-президентом крупного банка была, но ее выслали из Союза как шпионку, а я восемь лет считался невыезженным. Да мне и выезжать-то не хотелось. Зачем? У меня масса знакомых американцев, я провел вечер с Бельмондо, знаком с Де Ниро — никто из них никуда с родины не уезжает. Так почему я должен? Что делать? Как Крамаров, белье рекламировать?» Он никогда не знал Цоя и даже «раздражался от его музыки», но, сидя у Макара (Андрей Макаревича то есть) на даче, в семь часов утра в день похорон подбил его все бросить и до трех часов (до репетиции) слетать в Ленинград, проститься. «Я не знаю почему, не могу сказать, зачем мне это было нужно, просто это каждого из нас касается».

Когда Невзоров в программе «600 секунд» объявил о том, что снимается

самое «скандальное кино года», я ни минуты не сомневалась, что без Абдулова здесь не обошлось.

— Титов надумал снимать анекдоты, я долго отказывался от этого дела, но удовольствие потом получил фантастическое. Такого я не играл никогда. Ну, представь себе, сидит Ленин на «утке» и сочиняет «Апрельские тезисы». К нему подходит нянечка, Арина Родионовна, она же Ф. Каплан, вытаскивает из-под него «утку», Ленин берет с подоконника горшок с алоэ, вынимает цветок: «Это — вам, а землю отдайте крестьянам». Одно дело рассказывать анекдоты и совсем другое — видеть это все. Мат в фильме тоже есть, естественно. Ведет меня по зоне вертухай за мужские дела, а калмык на посту орет: «Пароль!», я ему: «Пошел на х...», а он отвечает: «15 лет стою, а пароль все не меняется».

— Сниматься в таком фильме можно, имея весьма определенные политические взгляды...

— Я не политик. Газет не читаю.

— Тебе все безразлично?

— Нет. Понимаешь, театр — такая среда, в которой можно, не читая ничего, за пять минут узнать все, да еще в лицах и красках. Я же для себя твердо знаю одно: так больше продолжаться не может. Опять повторяется 17-й год. Мы опять не прибавляем и множим, а отнимаем и делим. Когда с Ельциным было плохо, я ведь сразу сказал, что это гениальная игра. Их специально стравлили с Лигачевым, и эта игра была шита белыми нитками, тогда все говорили, что он не поднимется. И вот — пожалуй-ста. Я еще не уверен, что с Калугиным не то же самое происходит. Вот если завтра верхушка КГБ уйдет, значит, не игра, а если все они останутся, значит, это гениальный ход КГБ. Дай бог, чтобы я ошибся.

Это было лет десять назад. Сидел Абдулов в одной компании. Вообще-то в компаниях он часто сидит, но не все запоминаются. Но в тот раз заспорили два человека. Один все Советскую власть ругал, а другой предлагал: давай, мол, напишем плакат «Долой Советскую власть!» и выйдем на Красную площадь. Первый заерзал: «Да ладно, да я пошутил». «А ты не шути, — ответил ему другой, — а просто строй коммунизм дома». «Понимаешь, — это уже потом говорил Абдулов, — с тех пор эта фраза так в меня запала. Я и стараюсь строить свой коммунизм дома, создавать свой микромир, в котором все было бы хорошо и уютно, мои друзья получали много денег, вокруг нас ходили красивые женщины...»

Вот я и говорю: с таким «сумасшедшим», как Абдулов, поведешься, и стыдно как-то становится слоняться без дела по городу, хандрить из-за ерунды, сетовать на судьбу. Покончить бы с этим скучным прошлым, похоронить, забыть и жить дальше, на всю катушку... обвиняя в смерти своего скучного «я» исключительного Сашу А.

Лариса Вышинская.

В моей смерти прошу винить САШУ А.

Нет, это не признание в любви кумиру-искусителю. И не истерический всхлип обманутой женщины. Это всего лишь навсего социально-бытовой портрет одной творческой личности, настырно, а где-то даже нахально всем доказывающей, что в жизни нужно успеть испробовать все, иначе стоит ли вообще жить?..

Друзья-приятели-коллеги называют его меж собой Абдула: «Да я сказал Абдуле...», «Тебе Абдула передавал?..» Абдуле 37 лет. В кино, театрах, театральных программах, афишах и письмах влюбленных барышень он значится как Александр (Саша, Сашенька) Абдулов. Александру, естественно, тоже 37 лет. За его плечами детство и отрочество в славном городе Фергане, юность и зрелость в столице СССР — Москве, большое количество сыгранных и несыгранных ролей («Которые я уже никогда не сыграю, и это обидно, понимаешь, да?»). На сегодняшний день он — блондин с выющимися волосами (см. свежее фото) и словечками-паразитами: «гениально!» и «ты понимаешь, да?». Причем последний «паразит» проговаривается популярным актером с южным акцентом. Курит «Мальборо», к еде предельно равнодушен, но если ест, то вкусно и мало. В пространстве перемещается на «Москвиче» дымчатого цвета, за который ему уже предлагали 50 тысяч наличными (сведения обнародованы на «Задворках-4»). От интервью в последнее время упорно отказывается, сделав почему-то исключение для нас и «Огонька». Возможно, кто-то захочет найти в материале перечисление ролей, сыгранных Абдуловым, анализ его творческого пути. Напрасно. Будет сказано про другое. Про то, как и ради чего живет один из наших кумиров.

— Не понимаю, что это вдруг все разом заговорили, будто я переживаю ренессанс, возрождение? Спохватились. А вот Захаров почему-то меня заметил сразу. Он один в меня поверил, взял мальчишку, идиота напуганного с четвертого курса ГИТИСа и тащил, хотя его все отговаривали. Но это особый разговор.

— Думаешь, у него чутье сработало?

— Не знаю, у него спрашивай.

— Или жалость?

— Может, и жалость, вроде взял, не выбрасывать же. А все во мне только смазливое юнца видел. Потом... Где, в какую секунду произошел скачок и жизнь приобрела другую форму, я не знаю. Понимаешь, да?

Нет. Комната мешает, что ли. Со стен улыбается, хмурится, плясает разной давности «смазливый мальчишка». И нос к носу с живым хозяином — огромный календарь (1984 года) с его портретом.

— Ты так себя любишь?

— Да это не я, коллеги мои повесили.

— Но ты же не снял, значит, нравится?

— Как тебе объяснить? Я безумно люблю, когда у меня берут автографы, аплодируют, но я не обижусь, если всего этого и не будет. На самом деле я дорожу лишь одним моментом в жизни. Это было, когда я играл в спектакле «В списках не значится». Мне вдруг показалось в одну секунду, что я — Бог. Скажи я залу: «Встань!» — встанет. Потом я сидел в гримерной, как после шока. Вошла женщина и, будто к памятник, положила возле меня букет цветов. Потом я всю ночь бродил по Москве, потрясенный...

— Тебе нравится ощущение власти над людьми?

— Здесь совсем другое. Ради таких моментов и живут актеры. Я говорил со многими мастерами, у них то же самое бывало, ну, два, ну, три раза в жизни. А у меня так больше не повторилось. Конечно же он себя любит. И как актера, и как мужика. Но ведь любят по-всякому. Можно, как Янковский, к примеру, тщательно бриться, костюмчики придирчиво отбирать, обволакивать дам «о'дэколоном» и загадочной элегантностью. А можно любить себя, на себя не похожего, вечно движущегося, вечно меняющегося. Сми стации достигаются Абдуловым разными путями. Он то отрачивает, то

сбривает бороду. Вьет, распускает и меняет колер волос. То с джинсами и майками срастается, то в супер-костюм (со шляпою!) вдруг вырядится... В ролях он себе никогда не отказывал — имел их всегда много, как женщин (вот и сейчас в шести фильмах сразу доснимается). А еще любит в себе Абдулов драматурга, сценариста, певца, художника, режиссера, шоумена и бизнесмена. А если бы не любил, и пробовать бы не стал ставить пьесу на малой сцене Ленкома, написать сценарий и закрутить по нему кино, создать и возглавить творческое объединение «Ленком», асимконцерты и благотворительные вечера.

— Ты в жизни играешь?

— Конечно. Когда хочу кому-то понравиться, например, прикладываю все усилия.

— А чувствуешь, когда остаешься самим собой?

— Вообще-то стараюсь всегда, не всегда получается. Да и кому это нужно знать? Ночью. Когда одеяло натянешь на себя. В комнате холодно, а ты под одеялом и вдруг осознаешь, что ты совсем один. Сам с собой.

— Ты кто по гороскопу?

— Близнец.

— Но ты не похож на человека нерешительного и сомневающегося, что характерно для Близнецов.

— А черт его знает. Понимаешь, когда вокруг орутся такие, как у меня — Овсен вот, Борька, — мне остается только захотеть, а уж они не дадут сомневаться. У меня миллион идей, но никогда одному мне их не осуществить, столько проблем...

— И какие же могут быть проблемы у счастливого, благополучного человека?

— Как можно обо мне сказать, что я счастливый и благополучный? Да у меня трудностей — выше крыши, порой я их могу перепрыгнуть, а порой на грунде спотыкаюсь... Просто я не люблю говорить о них. Давай я лучше сделаю проститутское заявление. Я написал сценарий и хочу снять большое художественное каскадерское кино. Я не собираюсь становиться режиссером, но один раз в своей жизни хочу попробовать снять кино. Короче, два с половиной миллиона я уже достал, мне нужно еще два.

И, что самое непостижимое, ведь он их достанет, причем даже без этого заявления. Реклама, наверное, единственное в жизни, за чем Абдулов никогда не гонялся. Может, потому, что она сама его находила (хотя бы как сейчас). И все, за что он ни берется, имеет свой результат. На одном энтузиазме, без всяких денежных приманок сколачивает команду и делает свое дело.

— Ради чего ты столько суетишься, за все хватаешься, все норовишь перепробовать?

— Я уже рассказал об одном моменте, ради которого стоит жить. Другой момент (это к твоему вопросу): во всем, за что бы я ни «хватался», для меня очень важен процесс. Понимаешь, да? Куда больше, чем сам результат. Вот делаю я «Задворки», на ногу Мише Гусаку падает колонна, которую он сваривал. Ну все, думаю. А он хрипит: «Ничего, Сань, доварим». Или Гена Смирнов ночью, спасая проваливающийся концерт, новость где добывает машину, привозит откуда-то лес, делает декорации. Что их заставляло, забыв обо всем на свете, так отдаваться работе? Где, какой кооператив будет так вкалывать на одном энтузиазме, кооператоров просишь «за любые деньги», а они не хотят? А вот еще гениальный эпизод. Пять часов вечера. В восемь — благотворительный концерт. Во дворе — ни стульев, ничего. И ни души. Я заплакал,